

ЭПИГОН СЛАВЯНОФИЛЬСТВА: ЛОГИКА РАСПАДА (С.Ф. ШАРАПОВ)¹

Сергей Федорович Шарапов (1855 – 1911) – фигура довольно заметная и в то же время несколько курьезная в числе поздних представителей славянофильства: активный публицист, издатель и редактор ряда газет² и журналов³, в 1900 – 1906 гг. – издатель оригинального публицистического издания «Мой дневник»⁴, он в то же время пытался вести в своем имении Соснова (Вяземского уезда Смоленской губернии) правильное сельское хозяйство, занимался изобретательством новых конструкций плуга и вроде бы временами достаточно успешно (хотя, в конечном счете, данное начинание сначала погубило его репутацию⁵, а затем и разорило вконец). Всем его начинаниям, как деловым, так и писательским, присуща некая «кособоконость», несуразность – определение «чудака», пожалуй, подходит к нему более всего.

Родом из средних или даже, скорее, мелких дворян, Шарапов был определен «по военной части»: отдан во 2-ю московскую военную гимназию. Вспоминая спустя почти три десятилетия то время, Шарапов писал:

«Мы Писарева читали в среднем учебном заведении, где брали его из классной библиотеки в синем коленкоровом казенном переплете, да, это факт! Только двух томов не было, запрещенных, и мы их доставали со стороны. На прогулках воспитатель собирал нас в кружок и прочитывал с пространными толкованиями “Что делать” Чернышевского и “Азбуку социальных наук”, кажется, Флеровского, задержанную цензурой толстейшую и скучнейшую книгу. Мы благоговейно зевали – это самое подходящее выражение, но все-таки слушали, потому что был зажжен огонек развития и маленькие умы были приготовлены и к пытливости, и к работе» [(1896), с. 591]⁶.

Шарапов развивался как типичный мелкий дворянский ребенок, растущий в столице, 1-й половины 70-х годов. Круг его чтения, по позднейшим воспоминаниям, был следующий:

«...Первое чтение – Майн Рид, Фенимор Купер, отчасти Вальтер Скотт и Диккенс, затем Жюль Верн, Масэ, Гумбольдт, Шлейден, Льюис, Брэм и русские авторы: Помяловский, Решетников, Некрасов, Гончаров, Тургенев; меньше Писемский и Лермонтов, еще меньше Лев Толстой и Пушкин. Наконец, Добролюбов, Писарев, Дж. Ст. Милль, Бокль, Дрэпер, Бюхнер, Вундт, Чернышевский. Беллетристики в старших классах ничто не читал и читавших тайком романы, издание Ахматовой⁷, называли институтками. Мы про-

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Президента Российской Федерации (2011 г.). Тема: «Национальное самосознание в публицистике поздних славянофилов»; № гранта МК-1649.2011.6.

² «Русское дело» (1886 – 1890, 1905 – 1907), «Русский труд» (1897 – 1902, с перерывами).

³ «Пахарь» (1903), «Русская беседа», «Свидетель» (1907 – 1910).

⁴ По цензурным условиям данный заголовок был «спрятан» внутрь издания – на обложку выносились нейтральные заголовки: «Посевы», «Жатва», «Метели» и т.п.

⁵ Шарапов, работавший одно время, в начале министерской карьеры С.Ю. Витте, под его руководством, затем с ним рассорился и превратился в решительного критика его инициатив. «Летом 1902 г. С.Ю. Витте согласился поддержать предприятие С.Ф. Шарапова по производству плугов, приобретя за 50 тыс. руб. его акций и организовав посещение Николаем II показательной пахоты этими плугами. В ответ С.Ф. Шарапов обязался прекратить резкую критику в печати действий министра финансов» [2, с. 382, прим. 311].

⁶ Здесь и далее работы С.Ф. Шарапова цитируются по сборнику его работ, подготовленному А.Д. Каплиным [9], с указанием в круглых скобках года первого издания цитируемой работы.

⁷ Имеется в виду ежемесячный журнал «Собрание иностранных романов» (1856 – 1885), издателем и основным переводчиком которого была Е.Н. Ахматова (1820 – 1904). Венгеров так характеризовал данное издание: «За тридцать лет существования своего журнала Ахматова поместила в нем более трехсот переводных романов <...>. “Собрание иностранных романов” пользовалось большою популярностью в провинциальной публике средней руки и если прекратилось в 1885 г., то не по недостатку подписчиков, а потому, что, как заявила издательница, смерть единственного близкого ей лица лишила ее охоты продолжать хлопотли-

пустили без внимания первые крупные вещи Достоевского, едва пробежали “Войну и мир” Толстого, совсем почти не читали старика Аксакова, зато упивались Добролюбовым, Писаревым и Чернышевским...» [(1896), с. 591].

Рос он вполне в духе того времени, проникнутого позитивизмом и верой в науку: «При переходе в высшие школы мы были сплошь материалистами по верованиям (мы “верили” в атомы и во все, что хотите) и величайшими идеалистами по характеру. “Наука” была нашею религиею, и если бы можно было петь ей молебны и ставить свечи, мы бы их ставили; если бы нужно было идти за нее на муки, мы бы шли. <...> Религия “старая”, “попы” были предметом самой горячей ненависти именно потому, что мы были религиозны до фанатизма, но по другой, по новой вере. “Батюшка” читал свои уроки сквозь сон, словно сам понимая, что это одна лишь формальность, и на экзамене всем ставил по 12. Но нравственно мы все же были крепки и высоки. Чернышевский и Писарев тоже ведь учили добродетели и проповедовали “доблесть”. Этой доблести, особой, юной, высокой и беспредметной доблести был запас огромный. Мы были готовы умирать за понятие, точнее – за слова, смысл которых был для нас темен» [(1896), с. 592].

Окончив гимназию в 1872 г., Шарапов поступил в Николаевское инженерное училище в Петербурге, о «серьезном духе» которой в дальнейшем вспоминал с уважением. Характеризуя свои тогдашние настроения, он писал:

«Мы горячо вместе с религией ненавидели “существующий строй”, но в нас сидело еще слишком много старого, культурно-дворянского, чтобы откровенно сочувствовать некоторым прямо грязным замыслам и личностям и одобрять злодейские планы анархистов. Наше поколение школьной молодежи, сплошь либеральное, не было анархистским. Да и благородная, светлая личность Государя действовала невообразимо. Он бывал у нас, и мы, революционеры, нигилисты и ненавистники монархии, в эти минуты перерождались и от всей души кричали “ура”» [(1896), с. 593].

Не закончив курса и выйдя из училища в 1874 г. по причине болезни матери, Шарапов уже в 1875 г., когда началось восстание в Боснии и Герцеговине, отправляется добровольцем на войну с турками: следует отметить, что движут им отнюдь не славянофильские и т.п. чаяния, а скорее общий порыв эпохи и личная жажда деятельности, авантюризм и склонность к жесту, бывшая в его природе. Интернированный венгерскими властями в мае 1876 г., он выходит на свободу спустя год – почти без средств, без знакомых, без дела: «Ездил по Италии, бедствовал, начал подумывать о самоубийстве (“Жалея о проданном револьвере и не имея денег на веревку, я имел право только утопиться, для чего река По представляет хорошие удобства”). Но после нескольких дней полуголодного существования Шарапов, который по собственному признанию к тому времени разорвал “всякую связь с Богом по случаю либеральных теорий... и забыл, когда в последний раз молился”, бросился со слезами на колени перед статуей Мадонны. В этот же день пришла почта от известного русского консервативного издателя и публициста Алексея Сергеевича Суворина, предлагавшего сотрудничать» [5] в качестве корреспондента в Константинополе (к приглашению прилагался денежный перевод, спасительный для Шарапова в той ситуации) [9, с. 11]. Приглашение пришло не случайно – его письма из Боснии печатались в «Санкт-Петербургских ведомостях» и в «Русском мире» [9, с. 10] и, видимо, именно они привлекли внимание восходившей звезды российской журналистики, просившей своего нового сотрудника о немногом: «чтобы было интересно и легко читалось» [цит. по: 9, с. 11]⁸.

В 1878 г. Шарапов возвращается в Россию и поселяется в своем имении: хозяйственные интересы сведут его с И.С. Аксаковым, в газете которого «Русь» (1880 – 1886) он начнет сотрудни-

вое дело ведения ежемесячного журнала. При выборе книг для перевода редакция “Собрания романов” не столько руководствовалась литературными достоинствами, сколько “занимательностью”. Большею частью, она останавливалась на Понсон-дю-Терайле, Ксавье-де-Монтепене, Эмаре Габорио и т.п.» [цит. по: 4, с. 32].

⁸ Газета «Новое время», издателем которой А.С. Суворин стал с 1876 г., получила большой успех с первого же года издания, привлекая внимание публики горячей защитой славян на Балканах. С.Ф. Шарапов оставался постоянным сотрудником «Нового времени» до 1881 г., в дальнейшем также иногда публикуясь в данном издании [1, с. 436].

чать с 1881 г. сначала по сельскохозяйственным⁹ – а затем и шире, по экономическим вопросам. В речи памяти Аксакова, произнесенной в заседании Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества 10 февраля 1896 г., Шарапов характеризовал себя как ученика Аксакова и «его *единственного* постоянного сотрудника за все шесть лет издания “Руси”» [(1896), с. 637]. Эта встреча стала для него определяющей – в марте 1885 г. Шарапов писал Аксакову, в то время тяжело больному, остановившему издание «Руси» и уехавшему в Крым восстанавливаться от сердечного приступа (следующий, в январе 1886 г., сведет его в могилу):

«Теперь, кажется, я начал понимать, в чем была Ваша сила надо мной – а *ведь Вы в самом деле все создали во мне. Я был, поступая к Вам, вполне легкомысленным субъектом без всяких убеждений, без всякой веры!* [выд. нами – А.Т.]» [цит. по: 9, с. 14].

В поминальной речи об Аксакове, сказанной в 1896 г., Шарапов говорил:

«Немногие имели случай быть столь близки к покойному, как я, и так много услышать из его самых глубоких, самых задушевных мыслей. Как сейчас помнятся мне наши прогулки в бесконечных липовых аллеях Спасского или в сквере вокруг храма Спасителя¹⁰, куда мы ходили довольно долго каждый день, он – по предписанию врача, я – по просьбе Анны Федоровны¹¹. А эти вечера с глазу на глаз, когда придешь, бывало, с работой в восемь часов и уходишь, охрипший от спора, далеко за полночь по грозному приказу его ангела-хранителя: “Да поберегите же Ивана Сергеевича! Завтра договорите”. А тот, сам увлеченный спором, как юноша, кивает на дверь, откуда слышится голос жены, смеется и жмет руку так, что кости трещат...” [(1896), с. 637].

После кончины Аксакова Шарапов предпринимает на средства купца-старообрядца Д.И. Морозова [5] издание газеты «Русское дело», одновременно помогая (вместе с О.Ф. Миллером) А.Ф. Аксаковой готовить издание сочинений ее покойного супруга [8, с. 94 – 95]. Газета встретила цензурные препятствия (равно как и большинство последующих изданий Шарапова), однако следует согласиться с А.Э. Котовым, видящим причины неудачи изданий объективными: «в это период славянофильство переживает деградацию. По верному замечанию Н.И. Цимбаева, славянофильская терминология в конце 1880-х гг. звучит уже как анахронизм, и читателем воспринимается как пародия» [3, с. 90]. И тем не менее Шарапов не уместается без остатка в категорию «замечательных чудаков и оригиналов» – по нашему мнению его фигура вполне репрезентативна для изучения распада славянофильства в 1880-е – 1900-е гг. Себя он мыслил как продолжателя и хранителя заветов славянофильства, говоря в 1902 г.:

«Мой долг – будить русскую заснувшую мысль, указывать господам невежественным и легкомысленным современникам, какие громадные богатства лежат под спудом, какой свет ума и яркой, глубокой, национальной русской мысли заблестит когда-нибудь <...>. Увы! Ничего другого я сделать не могу» [(1902), с. 646, 647].

Оригинальным своим вкладом в славянофильство Шарапов считал разработанное им экономическое учение, расценивая его как «первую попытку связать славянофильское учение с данными экономической науки, осветить, с одной стороны, экономические явления с точки зрения свободы человеческого духа, с другой – найти реальную опору славянофильским нравственным и политическим воззрениям» [(1895), с. 51]. Как и многое в деятельности этого одаренного самоучки, его экономические воззрения представляют собой странную смесь оригинальных идей, отчасти предвосхищающих куда более поздние разработки экономической теории (в частности: идеи инфляционной денежной политики, поддержания спроса, политика динамического платежного баланса), с элементарными ошибками и нелепостями, дававшими простор его критикам.

⁹ Шарапов полемизирует в «Руси» с А.Н. Энгельгардтом, также бывшим смоленским помещиком (они были знакомы и по сообщению А.Д. Каплина, Шарапов «поддерживал некоторые полезные начинания А.Н. Энгельгардта» [9, с. 12]). Ответом Энгельгардта на сельскохозяйственные воззрения Аксакова и Шарапова стало известное XI-е письмо «Из деревни» [см.: 10, с. 545 – 592; весьма ядовитый выпад непосредственно о Шарапове: с. 553 – 554].

¹⁰ Аксаков последний год своей жизни снимал квартиру в доме на Волхонке, рядом с храмом Христа Спасителя (где ныне располагается Институт философии РАН).

¹¹ Т.е. Анны Федоровны Аксаковой (урожд. Тютчевой), супруги Ивана Сергеевича.

Мы не будем останавливаться на взглядах Шарапова по проблемам общественного и государственного устройства – они достаточно подробно изложены в статьях А.В. Репникова и К.А. Соловьева [см.: 5; 6, с. 572 – 577]. Отметим только одну характерную деталь: свою идею «областного устройства» России, предполагавшую разделение империи на 18 самоуправляющихся областей во главе с самодержавным монархом, которую он сравнивал с Северо-Американскими Штатами¹², Шарапов пытался не просто укрепить авторитетом покойного Аксакова, но и представить как более подробное раскрытие взглядов своего покойного учителя [см.: (1896), с. 641 – 642].

Куда более любопытны взгляды Шарапова, изложенные им в «фантастическом политико-социальном романе» «Через полвека» (1902) и в «политической фантазии» «Диктатор» (1907 - 1908). Объясняя замысел романа «Через полвека», Шарапов писал:

«Я хотел в фантастической и, следовательно, довольно безответственной форме дать читателю практический свод славянофильских мечтаний и идеалов, изобразить нашу политическую и общественную программу как бы осуществленной. Это служило для нее своего рода проверкой. Если программа верна, то в романе чепухи не получится, все крючки на петельки попадут. Если в программе есть дефекты принципиальные, они неминуемо обнаружатся... <...>

...Я очень хорошо знаю, что ничего подобного не будет. Я хотел только показать, чтобы могло бы быть, если бы славянофильские воззрения стали руководящими в обществе и в правящих сферах» [(1902), с. 308].

Однако нарисованная им фантазия оказывается на удивление узнаваемой – напоминая в итоге изображение советского общества в соцреалистическом романе или, скорее, итальянский фашизм: общество разделено на небольшие общины-fascio, основанные, правда, на приходском делении, политические права увязаны с вероисповеданием (и тем самым не входящие в приход оказываются лишены политических прав), община контролирует практически всю жизнедеятельность граждан – что особенно удобно в силу того, что все их средства завяжут от приходской кассы. Империя раздвинулась до линии «бывший Данциг, ныне Гданьск» до Адриатики, подчинив себе всю Восточную и часть Центральной Европы. Во главе империи, отеснив царя, стоит вождь, которого персонажи именуют не иначе как «гениальный Федот Пантелеев», так что «гениальный», надо понимать, является его неофициальным «титлом»: «простой, маленький дворянин, совершенно незнатный. Он сидел у себя в деревне, в Саратовской губернии, и появился в Петербурге довольно неожиданно. <...> Волна выдвинула его на пост министра, и за несколько лет до последней великой европейской войны реформы в России были закончены» [(1902), с. 364]. «...Его пожаловали государственным канцлером и он в виде особой милости просил Государя никого не назначать на его место, а самое министерство упразднить, создав для полиции особое Управление государственной безопасности. <...> Сейчас ему около 70 лет, но он совершенно здоров и бодр и работает неутомимо»: характерна и приблизительность возраста «гениального Федота Пантелеева – ему «около» 70, и сама власть его вождистского типа, устраняющая институции; примечательным образом, вопреки собственному монархизму, Шарапов в «фантастическом политико-социальном романе» умудряется практически устранить фигуру монарха, которая тусклым фоном присутствует за «гениальным Федотом», навевая устойчивые ассоциации с Виктором Эммануилом III.

Подобная мечта о диктаторе, вынесенная в заголовок, наложена на текущие события 1907 года в «политической фантазии», где Иванов 16-й, никому не известный полковник, становится полновластным властителем государства – причем, удивительным образом, не отменяя существующей иерархии, сохраняя на своем месте председателя Комитета министров, которым так и остается П.А. Столыпин – его власть опять же покоится на экстралегальных основаниях, выстраиваясь не столько «над», сколько «помимо» существующих властей и институций.

¹² В письме к В.Д. Белову от 18 декабря 1902 г.: «Мне представляется идеальная Россия примерно в виде современной Северной Америки, с таким же полным и широким местным самоуправлением, но с неограниченным монархом вместо выбираемого каждые четыре года президента. Если около этого монарха современные американские Конгресс и Сенат будут совещательными, то я думаю, что это будет нечто очень близкое к нашему историческому самодержавию» [цит. по: 6, с. 575].

Как будто замыслив поиронизировать над «историей будущего», Шарапов описывает и унижающе-высмеивающие наказания политических противников [(1908), с. 535], отсылающие к пугающей карнавальности первых дней после «похода на Рим», проектирует лагеря для инакомыслящих с принудительными работами, отводя им место под Семипалатинском [(1907), с. 401 – 402], сочетая с карательной психиатрией: «ореол героя заменяется простой смирительной рубашкой» [(1907), с. 401]. Патронирующее государство подменяет «самовольные» рабочие союзы:

«Прочь все эти ваши союзы, профессиональные организации и прочее! Интересы рабочего должны и будут защищать закон и правительство, а не разные проходимцы, которые вкрадываются в ваше доверие и бунтуют вас. Есть заводчики своекорыстные, желающие эксплуатировать рабочего. Единственное от них ограждение рабочего – закон. Закон должен обеспечить и рабочие часы, и безопасность рабочего, и охрану его здоровья, и хорошую квартиру, и пищу, и страхование от несчастий, и школу детям, и пенсию на старость. Закон, и никто другой, должен обеспечить полную свободу как предпринимателю, так и рабочему. Я считаю стачки рабочих столь же недопустимыми, как и всякие синдикаты хозяев, союзы и локауты. И я твердой рукой водворю у вас законность, и первые же рабочие скажут за это спасибо» [(1907), с. 407 – 408, см. далее аналогичное обращение к фабрикантам].

Утопия «Диктатора» заканчивается фактически саморазоблачением – славянофилы, которых созывает Иванов 16-й, все отрекаются от его программы, диктатор оказывается бессильным, неспособным найти даже нескольких сотрудников-подручных. Шарапов максимально приближается к программе будущей «консервативной революции», но между ним и ею остается пропасть – воображаемый диктатор, действуя помимо государственных институций, в то же время не имеет опоры в массовом движении, более того, разгоняя Русское собрание и Союз русского народа, фактически оказывается одиночкой, обреченной бессильной фигурой:

«Какой-то лазарет, какое-то кладбище, а не живая и бодрая страна! Но – прочь уныние! Вы заставляете меня действовать в одиночку, вы на меня одного валите всю работу, - хорошо, будем работать в одиночку!

- Министр внутренних дел, - доложил адъютант.

- Просите, просите...» [(1908), с. 567].

Собственно, утопией у Шарапова оказывается то, что осталось от славянофильства, от образа «прошлого», собственно, никогда не бывшим прошлым Шарапова, им вычитанным-придуманым – тех «отцов из сытых дворян с басовым смехом в хороших широчайших шубах и вязаных шарфах» [(1896), с. 599 – 600], которые были дворянской аркадией, мечтой, которую он в себе культивировал.

Остановимся на одной подробности: «еврейском вопросе», демонстрирующем любопытную динамику славянофильства. От конфессиональной враждебности к иудаизму, погруженной в традиционные рамки, «еврейский вопрос» эволюционирует к расизму, каковым и становится у Шарапова. В романе «старик священник» говорит «свое мудрое слово» по вопросу о допущении в общину крестившихся евреев:

«Мы не можем войти к нему в душу и проверить его искренность <...>. Избави Бог от угнетения и насилия над кем бы то ни было. Евреи теперь полноправны. <...> Русский народ не гонит их из земли своей. Он желает лишь, чтобы *они изменили, насколько можно, свою природу* [выд. нами – А.Т.], а не только свои верования» [(1902), с. 343; ср. (1908), с. 570].

Еще в статье 1899 г. «Еврейский вопрос» Шарапов говорил о четырех возможных вариантах его решения:

1. Возврат к древнерусскому взгляду: *удаление всех евреев без всякого исключения*. Очевидный абсурд. Некуда удалять, да и средств не найдется.
2. Малороссийский взгляд: уничтожение излишних, то есть погромы. Нужно ли говорить, что в современном государстве этот возмутительный сам по себе и нехристианский взгляд даже немыслим?
3. Полное уравнение прав, уничтожение черты оседлости и пр.? А Галиция? А современная Франция, Венгрия, Австрия, Германия? <...> славяне по своей природе особенно идеалистичны, то есть особенно незащитны в борьбе с евреями.

4. Наконец, политика слияния. Смешанные браки, переход евреев в христианство. Увы! Это тоже не решение вопроса. *Еврейская кровь, влитая в арийскую, претворяет ее до такой степени, что новая раса становится своего рода бичом Божиим среди того народа, который этот опыт в больших размерах проделал* [выд. нами – А.Т.]» [(1899), с. 303].

Сам Шарапов еще человек «традиционного общества» – той европейской цивилизации, которая при всех сдвигах на протяжении XIX века, продолжала существовать до катастрофы 1914: для него «окончательное решение еврейского вопроса» маячит на горизонте мысли, но явно отводится как невозможное – немислимое в смысле невозможности принять эту возможность как реальную. И оттого он заключает статью следующим рассуждением:

«...У нас нет и не может быть никакой сколько-нибудь реальной и осуществимой программы по еврейскому вопросу. Нечего предложить, не о чем хлопотать. Бесполезность каждой проектируемой меры, несостоятельность каждого возможного направления в еврейской политике бьет в глаза. <...>

Мы глубоко убеждены, что еврейский вопрос неразрешим. Оттого так тяжело и грустно о нем говорить» [(1899), с. 303, 304].

Решение и программа его осуществления появятся, как только упадет «культурный барьер»: европейская цивилизация, похоронившая себя в Первой мировой, избавилась от прежних рамок – то, что ранее было «психологически невозможным», после 1914 года станет обсуждаемым.

Библиографический список¹³:

1. Дневник Алексея Сергеевича Суворина / Текстол. расшифровка Н. Роскиной; Подготовка текста Д. Рейфилда, О. Макаровой. – 2-е изд., испр. и доп. – London: The Garnett Press; М.: Изд-во Независимая Газета, 2000. – XL + 670 с. – (серия: «История»).
2. *Колышко, И.И.* Великий распад: Воспоминания / Сост., вступ. ст., подгот текста и коммент. И.В. Лукьянова. – СПб.: Нестор-История, 2009. – 464 с. – (серия: «Мемуарное наследие Российской империи»).
3. *Котов, А.Э.* Русская консервативная журналистика 1870 – 1890-х годов: опыт ведения общественной дискуссии / А.Э. Котов. – СПб.: СПБИГО, ООО «Книжный Дом», 2010. – 224 с.
4. Письма к А.В. Дружинину (1850 – 1863) / Ред. и коммент. П.С. Попова // *Летописи*. Кн. 9. – М.: Издание Государственного литературного музея, 1948. – 423 с.
5. *Репников, А.В.* Последний романтик славянофильства. Сергей Федорович Шарапов (1855 – 1911) // Электронный ресурс. Режим доступа: [<http://rusk.ru/st.php?idar=161436>].
6. Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 639 с.
7. *Соловьев, К.А.* Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности 1899 – 1905 / К.А. Соловьев; [отв. ред. В.В. Шелохаев]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 287 с.
8. *Цимбаев, Н.И.* Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века) / Н.И. Цимбаев. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 274 с.
9. *Шарапов, С.Ф.* Россия будущего / Сост., предисл., примеч., именной словарь А.Д. Каплина / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 720 с.
10. *Энгельгардт, А.Н.* Из деревни: 12 писем, 1872 – 1887 / Вст. ст. П.В. Волобуева, В.П. Данилова. – М.: Мысль, 1987. – 636 с.

¹³ Библиографию работ С.Ф. Шарапова и о нем см.: [6, с. 576 – 577].